

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Cyril Hare

AN ENGLISH MURDER
TRAGEDY AT LAW

Перевод с английского

Н. Фельдман-Конрад («Чисто английское убийство»),
И. Дорониной («Трагедия по закону»)

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения

United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Хейр, Сирил.

Х35 Чисто английское убийство ; Трагедия по закону : [сборник] / Сирил Хейр ; [пер. с англ. Н. Фельдман-Конрад, И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-111552-4

Роман, который лег в основу легендарного одноименного фильма, любимого многими поколениями российских зрителей.

В фамильном замке лорда Уорбека на Рождество собираются родственники и друзья. Неожиданно прямо во время ужина умирает Роберт Уорбек, единственный сын и наследник старого лорда. Что это — убийство или несчастный случай? Ждать помощи в расследовании неоткуда — особняк отрезан от мира снегопадом, телефонная линия отключена. Смогут ли гости самостоятельно вычислить затившегося в доме убийцу или кто-то станет его следующей жертвой?

Член Высокого суда Джастис Барбер председательствует на самых серьезных процессах Южной Англии. Он вынес множество приговоров — но кто из осужденных им преступников или их близких прислал ему анонимное письмо с угрозами? Поначалу Барбер не воспринимает это всерьез, но вскоре ему только чудом удается избежать смерти. Полиция бездействует. И тогда за дело берется детектив-любитель Фрэнсис Петтигрю — человек, у которого настоящий дар задавать нужным людям нужные вопросы. Однако успеет ли он узнать, кто хочет избавиться от судьи, пока убийца не осуществил задуманное?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Charles Gordon Clark, 1942, 1951

© Перевод. Н. Фельдман-Конрад, наследники, 2019

© Перевод. И. Дорониной, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-111552-4

ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ
УБИЙСТВО

I

ДВОРЕЦКИЙ И ПРОФЕССОР

Уорбек-холл слывет самым древним жилым зданием в Маркшире. Помещение фамильного архива в северо-восточном крыле, вероятно, самая древняя его часть и, уж во всяком случае, самая холодная. Д-р Венцеслав Ботвинк, д-р философии Гейдельбергского университета, почетный д-р литературы Оксфордского, внештатный профессор новейшей истории в Пражском университете, член-корреспондент полудюжины научных обществ от Лейдена до Чикаго, сидел, склонившись над грудой выцветших рукописей, время от времени прерывая чтение, чтобы угловатым иностранным почерком выписать из них несколько строк, и чувствовал, как холод пронизывает его до костей. Он привык к холоду. Холодно было в его студенческом общежитии в Гейдельберге, еще холоднее в Праге в зиму 1917 года, а холоднее всего в концентрационном лагере в Третьем рейхе. Профессор сознавал, что зябнет, но, пока закоченевшие пальцы могли еще держать перо, он не позволял холоду нарушать свою обычную сосредоточенность. Холод для него был не больше чем утомительной обстановкой работы. Что ему действительно мешало и что раздражало его — это варварский почерк третьего виконта Уорбека, которым тот испещрял интимные письма, написанные ему лордом Бьютом в первые три года царствования Георга III.

Ох уж эти маргиналии*! Эти корявые, недописанные вставки между строчками! У д-ра Ботвинка зрела личная обида на этого аристократа восемнадцатого века. Человек, который являлся адресатом таких важных сообщений, а следовательно, и хранителем государственных тайн такой неизмеримой ценности для последующих поколений, должен был бы, кажется, иметь достаточно чувства ответственности перед потомством, чтобы сохранить все это в неприкосновенности, а он предпочел драгоценнейшие сообщения излагать неразборчивыми каракулями — вот что было несносно! Всецело по вине третьего виконта Уорбека исследование документов рода Уорбеков заняло вдвое больше времени, чем он предполагал. А для стареющего ученого, здоровье которого уже не прежнее, время так дорого! На совести виконта останется, если работа, которой предстояло показать, как эволюционировала английская конституция в период 1750—1784 годов, будет не закончена из-за смерти ее автора. Бессильно негодуя, д-р Ботвинк смотрел на лежащие перед ним загадочные каракули и через пропасть двух столетий вполголоса ругал виконта Уорбека и клял его плохо очиненное гусиное перо.

Раздался деликатный стук в дверь, и, не ожидая ответа, вошел слуга. Это был коренастый пожилой человек с бесстрастным лицом и выражением готовности, столь частым у дворецких из хорошего дома.

— Я принес вам чай, сэра, — сказал он, поставив поднос на круглый стол.

— Спасибо, Бриггс, — ответил д-р Ботвинк. — Очень любезно с вашей стороны, но, право, не стоило беспокоиться.

— Никакого беспокойства, сэра. Я сам пью чай в эти часы, а мне из буфетной — сюда рукой подать: один пролет.

Д-р Ботвинк серьезно кивнул. Он был достаточно знаком с английскими обычаями, чтобы знать, что даже в на-

* Заметки на полях. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ше время дворецкий, подавая гостю чай, не станет, как правило, приводить для этого основания. И лишь оттого, что д-р Ботвинк находился не вполне на положении гостя, Бриггс нашел нужным объяснить, почему для него не составило беспокойства подняться на один пролет. И д-р Ботвинк отметил это тонкое социальное различие с кислым удовлетворением.

— И все-таки это любезно с вашей стороны, Бриггс, — настаивал он, тщательно подбирая английские выражения. — Даже если мы с вами такие близкие соседи. Между нами говоря, мы с вами единственные обитатели этой старейшей части Уорбек-холла?

— Именно так. Эта часть дома на самом деле была построена самим Перкином Уорбеком в тысяча...

— Ну нет, Бриггс! — Д-р Ботвинк, чтобы поправить дворецкого, даже перестал наливать себе чай. — Рассказывайте такие истории посетителям и туристам, но не мне. Ведь Перкин Уорбек — миф, не исторический миф, я имею в виду, а по отношению к роду лорда Уорбека. Между ними нет никакой связи. Эта ветвь рода Уорбеков совсем другого происхождения, и гораздо более высокого, смею вас уверить. Все это имеется вот здесь, в документах. — И он кивнул на дубовый шкаф, стоявший позади него у стены.

— Так-то оно так, сэр, — ответил Бриггс вежливо, — а только у нас в Маркшире на этот счет говорят по-своему.

Может быть, д-р Ботвинк и хотел возразить, но сдержался. Он только тихо пробормотал про себя: «А только у нас в Маркшире говорят по-своему» — и отхлебнул чаю. А вслух сказал:

— Вкусный у вас чай, Бриггс. Косточки распаривает. — И он не без гордости посмотрел, оценил ли дворецкий его знание английских оборотов речи.

Бриггс позволил себе намек на улыбку.

— Точно так, сэр, — сказал он. — Очень холодно. Похоже, что пойдет снег. Судя по прогнозу погоды, можно ждать белого Рождества.

— Рождества! — Д-р Ботвинк поставил чашку на стол. — Неужели год уже идет к концу? В таком месте, как здесь, и дням счет потеряешь. В самом деле, скоро Рождество?

— Послезавтра, сэр.

— А у меня и из головы вон! С этой работой я провозился куда дольше, чем думал. Я слишком злоупотребляю гостеприимством лорда Уорбека. Может быть, в такой момент мое пребывание здесь будет ему неудобно? Надо бы мне спросить его.

— Я только что позволил себе смелость, сэр, задать этот вопрос его светлости, когда подавал ему чай, и он выразил желание, чтобы вы, если вам угодно, оставались его гостем и на праздники.

— Очень любезно с его стороны. Не премину поблагодарить его лично, если он в состоянии меня принять. Кстати, как он чувствует себя сегодня?

— Его светлости лучше, благодарю вас. Он уже на ногах, но еще не сходит.

— На ногах, но еще не сходит, — повторил д-р Ботвинк задумчиво. — На ногах, но не сходит! Английский язык невероятно выразителен.

— Именно так, сэр.

— Кстати, Бриггс, вы только что говорили о праздниках. Полагаю, что при нынешних обстоятельствах празднество будет носить чисто номинальный характер?

— Как вы изволили сказать, сэр?

— Я думаю, что в действительности не будет никакого торжества, никакого, — он в нетерпении щелкнул пальцами, не находя нужного слова, — никакого пира горой?

— Не могу сказать, сэр, в точности, как именно будут праздновать, но надо полагать, что Рождество пройдет тихо. Его светлость пригласил только немногих из родни.

— А! Значит, будут гости? Кто же, например?

— Нынче вечером приезжает сэр Джулиус, а завтра...

— Сэр Джулиус?

— Сэр Джулиус Уорбек, сэр.

— Но ведь он министр финансов в нынешнем правительстве?*

— Совершенно верно, сэр.

— А я, исходя из моих разговоров с лордом Уорбеком, думал, что у него совершенно иные политические взгляды.

— Политические, сэр? Сэр Джулиус приезжает сюда, как я понимаю, только в качестве брата лорда Уорбека.

Д-р Ботвинк вздохнул.

— Прожив столько лет в Англии, — сказал он, — я иногда чувствую, что так никогда ее и не пойму. Никогда.

— Могу еще чем-нибудь вам служить, сэр?

— Извините меня, Бриггс. Мое пошлое любопытство иностранца отвлекает вас от дел.

— Отнюдь нет, сэр.

— Если вы можете выдержать в этом погребе еще несколько минут, мне хотелось бы услышать от вас нечто в известной мере важное для меня. Каково будет мое положение в доме на рождественские праздники?

— Как это, сэр?

— Мне, наверно, лучше всего будет держаться в стороне, верно? Лорд Уорбек был так добр, что рассматривал меня как гостя, но, разумеется, я не рассчитываю, что меня будут принимать как близкого родственника — в особенности когда его светлость на ногах, но еще не сходит. Положение довольно щекотливое, а, Бриггс?

Дворецкий кашлянул.

— Вы хотите знать, как будет с едой, сэр?

— Да, как будет с едой — вот в чем, по-моему, загвоздка. А в другое время у меня хватит чем заняться и здесь. Что вы мне посоветуете?

* То есть лейбористском.

— Я только что осмелился коснуться этого вопроса в разговоре с его светлостью. Трудность, как вы сами разумеете, сэр, заключается в обслуживающем персонале.

— Признаться, я не вполне уразумел, в чем она заключается.

— В прежние времена, сэр, — продолжал Бриггс, погружаясь в воспоминания, — не возникло бы никаких затруднений. На кухне было бы четверо, да два лакея у меня под началом, ну и слуги, которых привозят с собой гости, тоже были бы на подмоге. А уж теперь, когда я один за всех и на все руки, у меня сил не хватит подавать кушанья на разные столы, о чем я и сказал его светлости. Подавать в столовой и в людской — с этим я еще управлюсь, ну и, ясное дело, к его светлости наверх с подносом... Так что, если вас не стеснит, сэр...

— Все ясно, Бриггс. Пока здесь гости, я буду иметь честь сидеть за столом с вами.

— Да нет, сэр! Я вовсе не то хотел сказать. Мне и в голову не пришло бы сделать подобный намек его светлости.

Д-р Ботвинк увидел, что вопреки всем своим стараниям он еще раз промахнулся, сделав faux pas*.

— Хорошо, — сказал он покорно, — я в ваших руках, Бриггс. Значит, мне предстоит сидеть за столом в семейном кругу?

— Если вас это не стеснит, сэр.

— Стеснит? Каким образом? Лишь бы это их не стеснило. Во всяком случае, я буду очень рад познакомиться с сэром Джулиусом. Он сможет разъяснить мне некоторые моменты в конституционной практике, которые пока остаются для меня несколько темными.

— Будут две дамы, сэр. Леди Камилла Прендергест и миссис Карстерс.

— Леди Прендергест тоже член семьи?

* Ложный шаг, неловкость (*фр.*).

— Не леди Прендергест, сэ, а леди Камилла Прендергест. Это титул по обычаю. Ее величают леди Камилла, поскольку она графская дочь. Она племянница первого супруга покойной леди. Мы считаем ее за члена семьи. Миссис Карстерс не состоит в родстве, но ее отец много лет был пастором в здешнем приходе, и она, так сказать, выросла в этом доме. Вот и все гости, не считая мистера Роберта, ясное дело.

— Мистер Роберт Уорбек, сын хозяина дома, — он будет здесь на Рождество?

— Само собой разумеется, сэ.

«Ну да! — Д-р Ботвинк говорил про себя. — Полагаю, что это само собой разумеется. Как же это я о нем не вспомнил!» И он обратился к дворецкому:

— Бриггс, а никак невозможно будет все же устроить, чтобы я столовался в людской?

— Как это, сэ?

— Вряд ли мне доставит большое удовольствие сидеть за столом вместе с мистером Робертом Уорбеком.

— То есть как?

— Ах, я вас шокирую, Бриггс, а этого мне не следовало бы делать. Но вы ведь знаете, кто такой мистер Роберт?

— Конечно, знаю, сэ. Сын его светлости и наследник.

— Я имею в виду не это. Разве вы не знаете, что он председатель организации, которая именуется Лигой свободы и справедливости?

— Насколько мне известно, это так, сэ.

— Лига свободы и справедливости, Бриггс, — проговорил д-р Ботвинк с подчеркнутой отчетливостью, — фашистская организация.

— В самом деле, сэ?

— Вас это не интересует, Бриггс?

— Я никогда особенно не интересовался политикой, сэ.

— О, Бриггс, Бриггс, — сказал историк, качая головой и с восхищением, и с сожалением, — если бы вы только знали, какой вы счастливец, что можете так сказать!

II

ГОСТИ

Сэр Джулиус Уорбек дал поправить меховую полость у себя на коленях, обменялся последними словами со своим секретарем и устало откинулся на подушки. Машина выехала с Даунинг-стрит*. На сиденье рядом с ним лежал служебный портфель с последним докладом о жизненно важных переговорах, которые велись в этот момент в Вашингтоне с правительством Соединенных Штатов по делам министерства финансов. Доклад должен был занять сэра Джулиуса в течение двух часов езды до Уорбек-холла, чтобы ни одна минута драгоценного служебного времени министра финансов не пропала даром; но машина уже успела пробраться сквозь туман центрального Лондона и выехать на магистраль, прежде чем сэр Джулиус протянул руку к портфелю.

Он положил его на колени, отпер и принялся изучать листки, покрытые густой машинописью. Блестяще написанный доклад, подумал он, как и следовало ждать от Карстера. Он почувствовал легкую гордость, вспомнив, что первым открыл Карстера. Десять лет назад немногие могли предвидеть, какого положения достигнет этот молодой человек, и сэр Джулиус, который обычно любил воздать себе должное за свои собственные заслуги, и на этот раз не преминул полностью воздать себе должное за то, что он один из этих немногих.

Серые облака, предвещающие снег, затянули зимнее небо, и цифры начали двоиться перед усталыми глазами министра. Он обрадовался поводу положить недочитанный доклад обратно в портфель и опять откинулся на сиденье. Карстерс! Это имя вновь всплыло перед ним, вызвав

* Даунинг-стрит — улица в Лондоне, где помещаются резиденция премьер-министра и различные министерства.

на этот раз легкое раздражение. Да, этот молодой человек, несомненно, проделал большой путь и пойдет еще дальше. Не один хорошо осведомленный журналист говорил о нем как о будущем министре финансов, и сэр Джулиус с реализмом опытного политика признавался, что никто не вечен и что он должен быть благодарен, если имеются такие надежные плечи, готовые принять на себя ношу, когда для него придет время сложить ее с себя. (Но непохоже было, чтоб это время наступило скоро, что бы там некоторые, включая Карстерса, ни склонны были думать!) Однако сам перед собой он должен был признать, что в глубине души недолюбливает этого блестящего молодого коллегу. Было что-то в этом человеке при всем его несомненном обаянии и таланте, отчего он казался не совсем... В голове у него мелькнули ужасные слова: «не совсем из нашего круга». Он прогнал эти слова с содроганием. Нет, так не годится! Аллан Карстерс — превосходный молодой человек. Не вина его, наоборот — заслуга, если он сделал карьеру, имея от рождения так мало преимуществ... Вспомнив свое привилегированное происхождение, сэр Джулиус мысленно пробежался по этапам карьеры Карстерса. Начальная школа, стипендия, Лондонское экономическое училище, удачная женитьба — да, очень удачная женитьба, подумал сэр Джулиус. Если б его не воодушевляла эта энергичная, честолюбивая женщина, добился ли бы он чего-нибудь при всем своем уме? Брат ему говорил, что миссис Карстерс должна быть в Уорбек-холле. «Не забыть бы сказать ей что-нибудь любезное о ее муже», — напомнил сэр Джулиус сам себе. Ему всегда нелегко давалось быть любезным с миссис Карстерс. У нее была привычка принижать всех политических деятелей, за исключением своего обожаемого Аллана. А сэр Джулиус не находил ничего приятного в том, чтобы его принижали.

Некоторое время он сидел, глядя перед собой отсутствующим взором. За стеклом виднелись окаменелые спины двух молчаливых людей, сидевших впереди. Их непо-